

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

А.С. Цыганков

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОТ «ЕДИНСТВА» К «ДИСПЕРСИИ»

Аннотация. В статье осуществляется анализ процессов коммеморации, реализовавшихся в городе-герое Волгограде в послевоенный период времени в их взаимосвязи с проектами национальной идентичности. На основе рассмотрения памятников, возведённых в советский и постсоветский период, посвящённых советским солдатам, которые погибли в ходе Сталинградской битвы и после её окончания, утверждается, что сам процесс коммеморации фундируется наличием в коллективном сознании социума проекта национальной идентичности, генетически встроенного в представление об «идеальном обществе», социальном долге. Данный проект выступает целью исторического развития, задавая собой не только вектор, наличие которого обуславливает возможность существования исторического пути в общественном сознании, но также и процесс конструирования исторической памяти. Из содержания проекта реализуется интерпретация памятников, которая актуализируется при помощи ритуальных практик поминовения, осуществляющихся в праздничные дни, связанные с победой в Сталинградской битве и в Великой отечественной войне в целом. Выявляется, что советский проект, подразумевающий наличие такого социального долга, как «единный советский народ», обуславливал появление памятника в городе-герое Волгограде, транслирующего идею «единства» национальностей, проживающих на территории СССР – памятник Р.Р. Ибаррури, В. Каменщикову, Х. Фаттяхутдинову, возведённый на Площади павших борцов. После распада СССР историческая память начинает подвергаться «дисперсии», что проявляет себя в процессах коммеморации и их результатах – памятниках, поставленных на Воинском мемориальном кладбище, которое расположено на Мамаевом кургане. Данный процесс «дисперсии» исторической памяти о Сталинградской битве, задающий собой коммеморацию в постсоветский период времени, фундируется множеством проектов национальной идентичности, которые создают отдельные национальности, представители регионов и личности, создавая, таким образом, новую личную и коллективную идентичность вне тотального советского проекта.

Ключевые слова: национальная идентичность, историческая память, коммеморация, Сталинградская битва, памятник, духовная жизнь общества, социальная идентичность, общественное сознание, Вторая мировая война, Р.Р. Ибаррури.

Abstract. This article conducts the analysis of the processes of commemoration implemented in the city-hero Volgograd in the post-war period, as well as their correlation with the projects of national identity. Based on the examination of memorials erected in the Soviet and post-Soviet period, dedicated to the Soviet soldiers who died during the Battle of Stalingrad, it is stated that the process of commemoration are grounded due to the presence of the project of national identity within the collective conscience of the society, which is genetically structured into the concept of "ideal society", or social duty. This project is a so-called goal of historical development, which defines not only the vector that substantiates the possibility of existence of the historical path within social conscience, but also the process of structuring of historical memory. After the collapse of the Soviet Union, memory begins to be subjected to "dispersion", which manifests in the processes of commemoration and their results. This process of "dispersion" of historical memory of the Battle of Stalingrad, which started the commemoration during the post-Soviet era, is based on many projects of national identity created by separate nationalities, representatives of regions and individuals, thus establishing new personal or collective identity outside the total Soviet project.

Key words: World War II, social conscience, social identity, spiritual life of society, monument, the Battle of Stalingrad, commemoration, historical memory, national identity, Ibarrruri.

Конструирование исторической памяти является на сегодняшний день одной из актуальных проблем социально-гуманитарного познания, значимым вопросом для которого выступает природа данного феномена: имеет ли он спонтанный, произвольный или, напротив, целенаправленный, произвольный характер? Во многом интерес к указанной тематике обусловлен также тем значительным влиянием, которое в условиях глобальной информатизации социума, начинает оказывать историческая память на общественное сознание, становясь зачастую оружием психологической и политической манипуляции. Сама возможность проблематизации тематики конструирования исторической памяти свидетельствует о том, что прошлое понимается не только как научно доказанные исторические факты, запечатлённые в прошедших критику исторических источниках и благодаря этому получившие чёткую фиксацию и статичность, но как нечто такое, что поддаётся созданию, которое соотносится с определёнными целями. Одной из таких целей выступает построение и сохранение национальной идентичности, которая может являться составным элементом феномена исторической памяти, определяемого как «ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в её отношении к значимому для этой идентичности прошлому» [1].

Наиболее яркие образцы конструирования исторической памяти, обуславливаемого потребностью в транслировании концепции национальной идентичности, представляет история XX в., в которой возникли и развивались тоталитарные формы правления. Так, повсеместное распространение самого понятия «национальность» в Советской России начинается с 1926 г., после того как оно было внесено в опросный лист Всесоюзной переписи населения [2]. С этого же времени за понятием «национальность» укрепилось семантическое значение «народность», «этнос», которое лишь отчасти исчерпывает его содержание. Интересно отметить, что общепринятое в СССР, а затем и в России, понимание «нации» в качестве «этноса», «этнической общности», согласно Э. Хобсбауму, является исторически более ранним в сравнении с его политической трактовкой, как «понятия политического единства и независимости» [3, с. 34]. Говоря о причинах появления самого понятия «национальность» в СССР, необходимо подчеркнуть, что оно вводится «сверху», правящей в стране элитой, которая пытается получить картину национального состава населения для выработки более эффективной «национальной политики», задающей на-

циональную идентичность и одновременно часть исторической памяти. Сама потребность в создании национальной идентичности имеет своим основанием стремление политической власти к увеличению контроля, иными словами, стремление власти к увеличению самой власти. Контролировать возможно нечто известное, в данном случае, созданный самой властью проект национальной идентичности, в границы которого помещается многонациональный социум. Знание в известном смысле и есть власть. Как отмечают Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей работе «Диалектика Просвещения», зная что-либо, человек властвует над этим, но при этом между объектом власти и властвующим пролегает отчуждение, лишаящее властителя возможности остановить возрастание власти и отчуждения при помощи обращения к живому субъекту, но не к неживому объекту. «Усиление своей власти люди оплачивают ценой отчуждения от всего того, на что их власть распространяется» [4, с. 24]. Дискурс власти тоталитарных режимов распространял желаемый проект национальной идентичности на различных уровнях, одним из которых выступал уровень коммеморации.

Для успешной экспликации взаимоотношения процесса коммеморации и проекта национальной идентичности, существовавшего в СССР, необходимо дать характеристику данного проекта, осуществить анализ памятников, возведённых в городе-герое Волгограде, которые транслируют его содержание, а также реализовать сравнение советского и постсоветского процессов коммеморации и их результатов.

Историческим событием, которое оставило неизгладимый след в коллективной памяти советского, а затем и российского народа, является Великая Отечественная война. Празднование Дня Победы, наряду с празднованием Нового года, пока ещё остаётся общероссийским праздником, отмечаемым вне зависимости от этнической, конфессиональной и профессиональной принадлежности. В отдельных регионах память о войне приобретает свои особенности, связанные с теми событиями военного времени, которые происходили на их территории. Одним из ключевых этапов Отечественной войны выступает Сталинградская битва, события и участники которой в послевоенный период выступили материалом для коммеморации, определили и до сих пор определяют «эмпирическое» содержание данного процесса в городе Волгограде (в 1961 г. в ходе процесса частичной десталинизации Сталинград был переименован в Волгоград).

Материальная фиксация памяти о Сталинградской битве, которая осуществлялась в советский

период истории, базировалась на определённом проекте правящей элиты, задающем историческое самосознание советских людей и, следовательно, их идентичность. Неразрывность идентичности и памяти была отмечена ещё Дж. Локком, который писал о том, что, когда мы «теряем из виду своё прошлое Я, тогда возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом, т.е. той же самой субстанцией, или нет» [5, с. 388]. Одним из важных вопросов, на который должен был отвечать существовавший проект советской идентичности, являлся национальный вопрос. Европейские государства, начиная с исторического периода Нового времени, вынуждены в тех или иных формах разрешать проблему наций и национальностей от чего зависела как их внешняя, так и внутренняя политика. На принятие решения оказывает влияние некоторый идеальный образ (проект) государства и общества, который существует в сознании правящей элиты, ориентируясь на который она пытается задавать цель, вектор общественного развития, а также понимание исторического прошлого. Цель превращается в причину-основание, фундирующую решение национальной проблематики, и оправдывает собой, по точному выражению Ф. Ницше, применяющиеся для достижения этой цели средства, одним из которых, в нашем случае, будет выступать процесс коммеморации и его результаты. Содержание проекта-цели, согласно нашему предположению, также будет обуславливать и конструирование исторической памяти в общественном сознании отчасти посредством таких результатов процесса коммеморации, как памятники.

К характерным чертам, отличающим феномен проекта-цели, который конституируется на властном уровне, уровне политической элиты, относятся его «закрытость», «недиалогичность» по отношению к обществу, где он реализуется; его содержание обладает сюжетной завершенностью, как и всякое представление о должном, идеальном бытующее в общественном сознании, идеалу не может чего-либо недоставать или не хватать, т.к. это привело бы к его «неидеальности»; он психологически, эмоционально привлекателен для общественного сознания, иными словами, фиксирует внимание общества на тех фрагментах его исторического прошлого, которые признаются им положительными, приятными для воспоминания; психологическая привлекательность обеспечивает возможность реализации ритуальных практик, призванных актуализировать в общественном сознании содержание проекта-цели; содержание проекта-цели фиксировано при помощи процесса

коммеморации в устойчивых и долговечных материальных формах (памятниках, мемориальных комплексах).

А. Советский проект национальной идентичности: «единый советский народ»

Что представлял собой содержание проекта-цели советской национальной идентичности, которое фундировало процессы коммеморации в послевоенном Сталинграде-Волгограде? Несмотря на то, что Советский Союз формально являлся государством, в котором к власти пришли рабочие и крестьяне, т.е. определенный класс людей, а не нация, он нуждался в национальной политике. Проект самоопределения наций, предложенный Лениным, где «под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [6, с. 14], не удовлетворял государство, где началось построение тоталитарной формы правления, основная интенция которой сводится к увеличению власти, что представляется невозможным посредством политики самоопределения наций, потенциально ведущей к потере подвластных территорий. Национальная политика Сталина подразумевала автономию наций, однако данная автономия могла быть подчинена интересам трудящихся масс, как об этом пишет сам Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос». «Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно. Но как именно она должна устроиться, какие формы должна принять её будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?» [7, с. 95]. В конце своей статьи Сталин приходит к следующему заключению: «Неудивительно, что национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности. Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения» [7, с. 137]. Подобное понимание идеала национальной политики дало основания для создания проекта национальной идентичности, содержание которого в Конституции 1977 г. нашло своё выражение в идее построения новой исторической общности – советского народа. Однако стоит отметить, что уже в Малой Советской Энциклопедии, изданной в 1941 г., говорилось о том, что «Ленинско-сталинская национальная политика сделала нерушимой дружбу народов Советского Союза. Она создала единый великий советский на-

род» [8, с. 132]. Таким образом, процесс послевоенной коммеморации в целом будет вписываться в идеальное представление о должном, зафиксированном в содержании проекта-цели – едином советском народе.

В связи с изменением вектора национальной политики Сталиным, представляется интересным мнение Ханна Арндт, согласно которому для возникновения тоталитарных форм господства необходимо наличие массы. Масса возникает тогда, когда из общества исчезают или изымаются структуры его организующие. Те структуры, которые задают собой основания для самосознания и самоопределения человека, структуры, на которые человек может «положиться» и «опереться». «Главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных отношений» [9, с. 422]. Согласно мнению немецко-американского философа, Ленин после Октябрьской революции направил свою деятельность на создание различных структур – социальных, национальных, профессиональных. «Он вводил новые отличия, организуя, а иногда и изобретая как можно больше национальностей, развивая национальное самосознание и понимание исторических и культурных различий даже среди наиболее отсталых племён и народностей в Советском Союзе» [9, с. 424]. Наличие какой-либо структуры препятствует распространению тотальной власти и контроля, так как человеку есть за что «держаться», при помощи чего сопротивляться давлению тоталитарной власти, не давая ей, таким образом, воплотить идею тотальности. Метафорически это точно было выражено в произведении Генриха Манна «Мужество», в котором Гитлер во время разговора с самим собой говорит такие слова о себе и народе: «Ни один клочок бумаги не должен пролететь между нами так, чтобы мы хоть на секунду перестали видеть друг друга. Ничего не должно находиться между мной и моим зеркалом, и заслонять мне моё отражение» [цит. по: 10, S. 145].

Сталин начал реализовывать целенаправленную политику деструктуризации общества посредством уничтожения остатков власти Советов – органов народного представительства, коллективизации, в результате которой был ликвидирован крестьянский класс. Также схожие процессы, целью которых была деструктуризация общества, Ханна Арндт видит в движении стахановцев и в распространении по всей территории страны практики борьбы с «врагами народа», эскалация которой была обусловлена концепцией Сталина об обострении классовой борьбы при приближении к социализму. «С целью разрушить все соци-

альные и семейные связи, чистки проводятся таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем находящимся с ним в самых обычных отношениях» [9, с. 429]. Подобная практика привела к атомизации общества, к тому, что человек перестал выстраивать тесные контакты с другими людьми, выпадая, таким образом, даже из структуры семьи и превращаясь в представителя массы. Исходя из этого, проект построения единого советского народа представляется возможным именно из материала массы – бесструктурного, бесформенного материала, который будучи лишён структур-препятствий, может быть приведён к любой цели вождя.

Идею единого советского народа, который, в согласии с планом-целью, являлся братским, т.е. родственным по своему происхождению, объединённым одной кровью и общим родителем, активно использовали в процессе коммеморации. Результатом данного процесса выступает возникновение символа, который является «субстанциональным тождеством идеи и вещи» [11, с. 214]. Говоря иначе, всякий символ включает в себя вещь, точнее, её образ, отражённый в человеческом сознании, а также некий смысл, который нераздельно слит с образом, но ему не тождественен.

В. Коммеморация и советский проект: памятник Р.Р. Ибаррури и товарищам

Переходя к рассмотрению регионального, волгоградского примера реализации процесса коммеморации и возникших в его результате символов-памятников, необходимо сказать о памятнике, возведённом в 1958 г. в г. Сталинграде над *братской могилой* на площади Павших борцов, по проекту архитектора Е.И. Левитана и скульптора И.И. Петина. Он посвящён защитникам Сталинграда – Герою Советского Союза Рубену Ибаррури, лётчику Владимиру Каменщикову и кавалеру Ордена Ленина капитану Хафизу Фаттяхутдинову. Все приведённые имена, принадлежат людям, которые принимали участие в Сталинградской битве. При этом не все из покоящихся в *братской могиле* погибли в ходе сражения под Сталинградом. Так, Владимир Каменщиков был убит уже после освобождения города от немцев весной 1943-го в районе города Белая Калитва (Ростовская область). Двое других – Рубен Ибаррури и Хафиз Фаттяхутдинов – погибли на разных участках Сталинградского фронта и в различное время. Если посмотреть на национальную принадлежность советских воинов, то выяснится, что все они – представители различных национальностей, этнических общностей.

Ибаррури – баск, Фаттяхутдинов – татарин, Каменщиков – русский. При этом интерес представляет также надпись, выгравированная на памятнике: «Здесь похоронены погибшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками при защите Сталинграда: славный сын испанского народа, Герой Советского Союза, командир пулеметной роты гвардии капитан Ибаррури Рубен Руис, Герой Советского Союза, лётчик майор Каменщиков В.Г. и посмертно награждённый орденом Ленина артиллерист капитан Фаттяхутдинов Х.Ф.».

Возможно утверждать, что указанное памятное захоронение, т.е. то захоронение о котором следует и должно помнить, создавалось с ориентированием на существующий проект советской национальной идентичности. Коммеморация выступила в данном случае средством достижения проекта-цели, который даёт возможность и требует наличия *братской могилы* с захороненными в ней бойцами различных национальностей, слитых в одну народность посредством «общего дела» – борьбы с врагом. Коммеморация прошлого служит определённой цели, зафиксированной в проекте национальной идентичности, содержание которого транслируется на властном уровне. Ориентировка на проект-цель приводит к выборочности взгляда на прошлое и лежит в основании конструирования исторической памяти. Следует согласиться с А. Ассман, которая отмечает, что: «память, которую намеренно и символически конструируют, основывается на актах отбора и исключения, аккуратно отделяющих нужные воспоминания от ненужных, значимые – от второстепенных» [12]. При этом проект-цель может легитимировать собой даже искажение истории – смерть майора Каменщикова под Сталинградом. «Коммеморация возникает в желании сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, усиливая их через разделяемому сообществом ориентацию на прошлые события, или, более точно, через ориентацию на репрезентацию прошлых событий. Рассматриваемые случаи могут или, возможно, не могут иметь место в действительности» [13].

«Единство советского народа» является одной из составляющих символа-памятника, оно задаёт тот смысл, который нетождественен самому смыслу памятника. Последний, помещённый вне контекста, призван лишь напоминать о минувшем прошлом, служить знаком, указывающим на прошедшее. «Единый советский народ» есть некое должное, которое воплощает себя на уровне смысла в рассматриваемом памятнике, причём единство народа длится ни только при жизни, но и

нераздельно в смерти. Проект-цель определяет собой вектор, соизмеряясь с которым будет осуществляться конструирование памяти о прошлом. Идеал национальной идентичности, необходимый для достижения, находится в будущем по отношению к настоящему, но посредством символа-памятника он перемещается в уже свершившееся прошлое. Будущее, таким образом, начинает времени из прошлого. Иными словами, братский советский народ уже сражался на полях Великой Отечественной войны и всем грядущим поколениям необходимо поддерживать и хранить уже сложившуюся идентичность. Однако для того, чтобы данный народ мог возникнуть в прошедшем необходимо его предварительное конституирование в содержании проекта-цели, помещенного в будущее, что в итоге приводит к интерпретации всего свершившегося через призму того, что должно произойти. Здесь следует вспомнить М. Хайдеггера, который анализируя с феноменологической позиции феномен человеческой темпоральности, говорил о том, что: «Заступание в предельнейшую и самую свою возможность есть понимающее возвращение в самую свою бывшесть» [14, с. 326]. Сам символ-памятник выступает в таком случае сосредоточением двух модальностей времени, совпадающих в настоящем.

Отдельный интерес представляет намеренное выделение национальной принадлежности Ибаррури, о котором говорится как о «славном сыне испанского народа». Само по себе выделение чего-либо осуществляется для того, чтобы это нечто бросилось в глаза, и благодаря этому было замечено. Таким образом, если мы что-то выделяем то, мы преследуем определённую цель – сделать что-то видимым и посредством этого захватить чьё-то внимание, что произведёт некое изменение. В нашем случае, этим изменением будет актуализация-припоминание существующего проекта советской национальной идентичности в коллективной памяти. Следовательно, выделение национальной принадлежности Ибаррури каким-то образом соответствует национальному проекту, к которому стремится Советское государство. С одной стороны, баск, который был превращён советскими архитекторами в испанца, захоронен вместе с русским и татарин в одной *братской могиле*, что указывает на то, что советский народ есть переплетение различных «братских» народов. С другой стороны, подчёркнутое выделение Ибаррури как сына испанского народа выдаёт некую планетарную масштабность советского проекта национальной идентичности. Частью советского народа и «советской национальности» может

стать абсолютно любой народ. Значимым также представляется отметить, что Рубен Ибаррури был единственным сыном Долорес Ибаррури, которая являлась одним из видных деятелей международного и испанского коммунистического движения и прославилась своей фразой «No pasaran!» – «Они не пройдут!», ставшей одним из лозунгов антифашистского движения. Интересным в данной связи является то, что посредством обращения к памяти о Рубене Ибаррури может актуализироваться воспоминание и о его матери, как о видном представителе коммунистического движения. Так, до сих пор в Интернет-ресурсах, посвящённых Героям Советского союза и Сталинградской битве, а также в печатных периодических изданиях, желающих осветить один из сюжетов Сталинградской битвы, имя Рубена сопровождается именем его матери [15; 16; 17; 18; 19]. Таким образом, при помощи актуализации в общественном сознании сюжета о гибели Рубена Ибаррури возможно также актуализировать сюжет о его матери, видном коммунистическом деятеле. Рубен представляется привлекательным объектом для коммеморации с точки зрения содержания проекта-цели, т.к. при помощи обращения к его образу возможно показать глобальность распространения коммунистической идеи.

Благодаря процессу коммеморации достигается не только фиксация памяти на необходимом для достижения проекте-цели, но и обеспечивается перманентное воспроизводство его содержания в общественном сознании, которое осуществляется в период праздников, посвящённых победе в Сталинградской битве и в Великой Отечественной войне. При помощи обращения к символам в коллективном сознании актуализируется содержание проекте-цели. Символ-памятник в таком случае выступает разновидностью того, что М.К. Мамардашвили называл «машинами памяти». Он «принуждает» нашу память припоминать идеал, заложенный в неё извне, т.к. в противном случае у коллективной памяти не было бы «основы», стоя на которой она смогла бы обратиться к имеющемуся идеальному проекту советской национальности. «Ритуал есть способ введения человека в состояние, которое не длится природным образом» [20, с. 40]. Под ритуальным действием понимается, в том числе действие праздничное, сам праздник, немислимый без символов-памятников, актуализирующих прошедшее необходимое для достижения должного будущего. «Регулярное ритуальное воссоздание событий, конституирующих общее происхождение группы, является наиболее важным способом поддержания её единства» [21].

Для сравнения советского и постсоветского процессов коммеморации в городе-герое Вол-

гограде, обратимся к рассмотрению некоторых символов-памятников – результатов фиксации памяти о Сталинградской битве, созданных после падения СССР.

С. Постсоветские проекты национальной идентичности: «дисперсия» исторической памяти

30 сентября 1994 г. Администрация Волгоградской области издала постановление № 467 [22], в котором было прописано создание Воинского мемориального кладбища. На этом кладбище по настоящее время осуществляется перезахоронение останков погибших в Сталинградской битве воинов в именных и братских могилах. Наряду с увеличением числа захоронений также увеличивается число символов-памятников, на которых начертаны слова благодарности участникам Сталинградской битвы, принадлежащим различным национальностям. При этом сам процесс коммеморации осуществляется представителями разных этнических групп, проживающих в России или проживавших в СССР. В качестве примера можно привести памятники, установленные «славным сынам Карачая и Балкарии», «защитникам Сталинграда, славным воинам Ингушетии», «украинским, белорусским, Сталинградским партизанам и подпольщикам». Память о войне становится не общим делом советского народа, но делом каждой отдельной национальности. Кроме этого память подвергается ещё большему процессу «дисперсии», обусловленному отсутствием чётко артикулированного проекте-цели на уровне правящей элиты. В результате современной коммеморации Сталинградской битвы возникают символы-памятники, при помощи которых дань памяти погибшим отдаётся представителями «Вологодского землячества», «Волжским районом Самарской области», «благодарными потомками северянами», «правительством Рязанской области», «жителями Ростовской области», а также «ОАО Волгоградэнерго».

Все указанные символы-памятники ставятся на территории мемориального комплекса Мамаев Курган, частью которого является Воинское мемориальное кладбище, с разрешения Министерства культуры РФ в согласовании с Министерством культуры города и самого комплекса. С прошением в Министерство культуры РФ выступает представитель области, как правило, губернатор. Информацией о финансировании создания памятников администрация Мемориального комплекса не располагает.

Если советский проект идеального государства и общества подразумевал построение «едино-

го советского народа», то в постсоветский период процесс коммеморации не имеет в своём основании проекта единой национальности. Начинает происходить процесс «дисперсии» исторической памяти, фундированный множеством проектов-целей, которые создают отдельные национальности, представители регионов и личности, создавая, таким образом, новую личную и коллективную идентичность вне тотального советского проекта. Возможно предположить, что подобный процесс «дисперсии» исторической памяти маркирует собой возникновение разнообразных социальных и личностных структур, что является необходимым атрибутом гражданского общества. Возникновение структур даёт основание для национального, регионального, группового и личностного самосознания. Однако при этом необходимо отметить, что символы-памятники, возникшие после падения СССР, отделяют, отграничивают погибших друг от друга и тем самым прокладывают границы между национальностями в коллективной и исторической памяти.

Список литературы:

1. Рогинский А. Память о сталинизме // Доклад на конференции «История сталинизма». 05.12.2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/11/темогу/> (дата обращения: 12.01.2015).
2. Зарецкий Ю. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html> (дата обращения: 12.01.2015).
3. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985.
6. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. М.: ООО «Правда-Пресс», 2013.
7. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. М.: ООО «Правда-Пресс», 2013.
8. Малая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1941.
9. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
10. Brecht B. Notizen zu Heinrich Mann "Mut" // Brecht B. Schriften. Frankfurt am Main., 1963.
11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
12. Асман А. Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого. 28.03.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/11839> (дата обращения: 14.01.2015).
13. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество. 2005. № 2. С. 132-165.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2013.
15. Ибаррури Рубен Руис // Сайт Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=281 (дата обращения: 15.01.2015).
16. История улиц Волгограда: факты и фото // Сайт Правда Волгограда. URL: http://www.pravda34.info/?page_id=1145 (дата обращения: 15.01.2015).
17. Пять героев Сталинграда // Сайт «Русская семерка». URL: <http://russian7.ru/2014/11/5-geroev-stalingrada/> (дата обращения: 15.01.2015).
18. Скорченко И. Пророчество Долорес Ибаррури // Быть человеком. 2013. № 5.
19. Скорченко И. Испанский аккорд сталинградского марша // Аргументы недели – Нижнее Поволжье. 2010. № 1.
20. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000.
21. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. С. 56-68.
22. Постановление Администрации Волгоградской обл. от 30.09.1994 № 467 «О создании Воинского мемориального кладбища». URL: http://volgograd.news-city.info/docs/sistemsu/dok_peynbz.htm (дата обращения: 05.01.2015).
23. Копцева Н.П., Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема // Философия и культура. 2015. № 1. С. 12-19. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.10695.

Таким образом, можно сказать, что конструирование памяти об историческом прошлом обусловлено представлениями о должном, содержанием плана-цели. Процесс коммеморации, реализовывавшийся в городе-герое Волгограде в советское время, приводил к жизни символы-памятники, посредством которых осуществлялась трансляция идеала национальной идентичности – «единого советского народа» – прописанного в проекте-цели. В постсоветский период символы-памятники указывают на осуществление процесса «дисперсии» исторической памяти о Сталинградской битве, что имеет своей причиной отсутствие проекта-цели государства и общества, задающего унитарное понимание прошлого.

Автор выражает свою благодарность сотруднику Музея-заповедника «Сталинградская битва» Алёне Викторовне Уткиной, которая предоставила необходимую информацию об административном механизме, регламентирующем возведение памятных знаков на территории Мемориального комплекса Мамаев Курган.

24. Пархоменко Р.Н. Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса // Право и политика. 2014. № 3. С. 379-386. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.3.7797.
25. Соболева Н.А. Российская государственная символика в контексте проблем реконструкции национальной идентичности // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 4. С. 32-41.
26. Бурлакова Н.С., Олешкевич Е.В. Травматический опыт Холокоста как часть исторической памяти и идентичности второго поколения // Психология и психотехника. 2014. № 9. С. 922-931. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.9.12781.

References (transliterated):

1. Roginskii A. Pamyat' o stalinizme // Doklad na konferentsii «Istoriya stalinizma». 05.12.2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/11/memory/> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
2. Zaretskii Yu. Istoriya, pamyat', natsional'naya identichnost' // Neprikosnovennyi zapas. 2008. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
3. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. SPb.: Aleteiya, 1998.
4. Khorkkhaimer M., Adorno T.V. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M., SPb.: Medium, Yuventa, 1997.
5. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii. M.: Mysl', 1985.
6. Lenin V.I. O prave natsii na samoopredelenie // V.I. Lenin, I.V. Stalin o natsional'nom voprose. M.: OOO «Pravda-Press», 2013.
7. Stalin I.V. Marksizm i natsional'nyi vopros // V.I. Lenin, I.V. Stalin o natsional'nom voprose. M.: OOO «Pravda-Press», 2013.
8. Malaya Sovetskaya Entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1941.
9. Arendt Kh. Istoki totalitarizma. M.: TsentrKom, 1996.
10. Brecht B. Notizen zu Heinrich Mann "Mut" // Brecht B. Schriften. Frankfurt am Main., 1963.
11. Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M.: Mysl', 1993.
12. Assman A. Refreimiruya pamyat'. Mezhd u individual'nymi i kollektivnymi formami konstruirovaniya proshlogo. 28.03.2014. URL: <http://gifter.ru/archive/11839> (data obrashcheniya: 14.01.2015).
13. Megill A. Istoriya i pamyat': za i protiv // Filosofiya i obshchestvo. 2005. № 2. S. 132-165.
14. Khaidegger M. Bytie i vremya. M.: Akademicheskii proekt, 2013.
15. Ibarruri Ruben Ruis // Sait Geroi strany. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=281 (data obrashcheniya: 15.01.2015).
16. Istoriya ulits Volgograda: fakty i foto // Sait Pravda Volgograda. URL: http://www.pravda34.info/?page_id=1145 (data obrashcheniya: 15.01.2015).
17. Pyat' geroev Stalingrada // Sait «Russkaya semerka». URL: <http://russian7.ru/2014/11/5-geroev-stalingrada/> (data obrashcheniya: 15.01.2015).
18. Skorchenko I. Prorochestvo Dolores Ibarruri // Byt' chelovekom. 2013. № 5.
19. Skorchenko I. Ispanskii akkord stalingradskogo marsha // Argumenty nedeli – Nizhnee Povolzh'e. 2010. № 1.
20. Mamardashvili M.K. Moi opyt netipichen. SPb.: Azbuka, 2000.
21. Vasil'ev A. Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya // Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa / Otv. red. D.L. Spivak. T. 6: Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu. M.: Novyi khronograf: Eidos, 2009. S. 56-68.
22. Postanovlenie Administratsii Volgogradskoi obl. ot 30.09.1994 № 467 «O sozdanii Voinskogo memorial'nogo kladbishcha». URL: http://volgograd.news-city.info/docs/sistemsu/dok_peynbz.htm (data obrashcheniya: 05.01.2015).
23. Koptseva N.P., Kistova A.V. Konstruirovanie etnokul'turnoi i obshchenatsional'noi identichnosti kak filosofskaya problema // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 1. S. 12-19. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.10695.
24. Parkhomenko R.N. Grazhdanstvo i natsional'naya identichnost' v ponimanii Yu. Khabermasa // Pravo i politika. 2014. № 3. S. 379-386. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.3.7797.
25. Soboлева N.A. Rossiiskaya gosudarstvennaya simbolika v kontekste problem rekonstruktsii natsional'noi identichnosti // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2011. № 4. S. 32-41.
26. Burlakova N.S., Oleshkevich E.V. Tравматический опыт Kholokosta kak chast' istoricheskoi pamyati i identichnosti vtorigo pokoleniya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 9. S. 922-931. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.9.12781.